

НАШИ ЗАДАЧИ (ОРДО-МАНИФЕСТ)¹

Ф. БЁМ, В. ОЙКЕН, Г. ГРОССМАН-ДЁРТ

перевод с нем. А.А. Курышевой

В наши дни широкое распространение получило недовольство тем, что право и политическая экономия отстают от жизни, что они не вносят никакого созидательного вклада и что они перестали являться интеллектуальной силой. Не придавать значения этой критике — значит совершенно не осознавать всей серьезности положения, учитывая, что в самом деле в Германии эти две науки более не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на фундаментальные решения политико-правового и экономического характера. Любой из тех, кто утверждает, что такая ситуация имела место всегда, ошибается. Когда-то право и политическая экономия были созидательными силами, оказывавшими значительное влияние — к примеру, на преобразование правовой и экономической системы, имевшее место во всех цивилизованных странах с конца восемнадцатого века. Лишь в течение девятнадцатого и начала двадцатого века они постепенно утратили свои ведущие позиции.

Упадок в экономической науке

Сегодня не остается никаких сомнений в том, что последствия такого «свержения с престола» этих двух наук оказались крайне пагубны. Ученые, будучи в силу своей профессии и положения независимы от экономических интересов, являются единственными беспристрастными, независимыми советниками, способными обнаружить истинное проникновение в сложные взаимосвязи в пределах экономической деятельности, и таким образом заодно выявить основу для вынесения экономических суждений. Кроме того, лишь они способны, основываясь на силе своего сокровенного знания этих взаимосвязей — знания, постоянно расширяющегося и совершенствующегося в результате непрерывного внедрения новых идей — выносить беспристрастные суждения, независимые от их собственных непосредственных экономических интересов, касающиеся экономических мер, уместных в конкретных обстоятельствах.

Если ученые отказываются выполнять эту функцию или их лишают этого права, то ее берут на себя другие, менее сведущие «советники» — заинтересованные лица. Они, несомненно, являются специалистами в технических вопросах в своей профессиональной сфере, но равным образом, конечно, они не способны, да и не могут быть способны, оценить экономические взаимосвязи во всей их полноте. Более того, они не в состоянии отделить себя от своих собственных экономических интересов, в результате чего,

¹ Впервые опубликована в серии «Ordnung der Wirtschaft». Stuttgart and Berlin: W. Kohlhammer, 1936.

как правило, благополучие их собственной профессиональной области неизбежно начинают путать с благополучием всей национальной экономики. Если государство следует советам этих заинтересованных лиц, политико-экономические и правовые решения, которые основываются на точном знании главных организационных принципов экономической деятельности, вписываются в эту общую систему и приобретают благодаря ей значимость, заменяются решениями, которые противоречат систематическому анализу экономики и ввергают упорядоченную регулируемую систему в состояние хаоса. «То, что сегодня переживает весь мир, — писал Альбрехт Форстман в 1935 году, — попросту является не более чем фактически очевидным доказательством несостоятельности метода тех, кто претендовал на разрешение наиболее серьезных политико-экономических проблем с ограниченной точки зрения частно-экономической практики»² [1, р. 5].

Таким образом, авторы считают, что для представителей права и политической экономии наиболее насущная задача — работать сообща, прилагая все усилия к тому, чтобы обе дисциплины вновь заняли надлежащее место в жизни нации. И делать это необходимо не только ради науки, но, что более важно, в интересах экономической жизни германской нации.

Как, однако, возможно достижение этой глобальной цели? Что следует сделать для восстановления прежнего статуса этих двух наук? Истинный ответ уже содержится в самой последовательности вопросов. Научная программа не может заменить детальной работы над рассматриваемым объектом. Формулировка, содержащееся в этих вводных словах, относится не столько к содержанию работы, сколько к интеллектуальной позиции, с которой необходимо решить задачу. Для ясности вначале нужно осознать, почему право и политическая экономия утратили руководящее влияние в жизни германской нации.

На протяжении девятнадцатого века в Германии право и политическая экономия находились под влиянием интеллектуального движения, затронувшего всю научную и ненаучную мысль — историцизма. Хотя историцизм навлек на себя волны критики, он продолжает господствовать вплоть до сегодняшнего дня. Историцизм представляет собой нечто большее, чем просто научную точку зрения — он означает особую научную позицию. Романтизм и историческая школа разрушили веру в естественную систему и в области права, и в области политической экономии. В своих полностью оправданных стремлениях постичь реальность и саму жизнь они обречены были столкнуться с изменчивой природой всех человеческих институтов, концепций и представлений. Эволюционные идеи также проникли в эти науки. Нельзя оспаривать тот факт, что понимание права и политической экономии, основанное на их историческом развитии, значительно расширило научный кругозор. Несомненно, за это мы должны отдать должное таким людям, как Фридрих фон Савиньи, Фридрих Лист и др. Движение историцизма также подвергло обе науки смертельным опасностям, которые, однако,

² Вначале автор был приверженцем национал-социализма, но сравнительно быстро поменял свои пристрастия. Эта книга в некоторой степени являлась своеобразным скрытым орудием нападения на национал-социализм, причем автор употреблял выражения, которые, по-видимому, славословили режим. По прошествии времени Форстман попал в концентрационный лагерь, но выжил и стал профессором экономики в Берлине.

изначально ощущались лишь смутно, позже — сильнее, а сейчас являют собой серьезную угрозу их статусу — более того, самому их существованию. Можно сказать, что они сбились с архимедовой точки, с позиции которой возможно осмысление реальности.

Фридрих фон Савиньи сказал: «Право обретает силу вместе с нацией, развивается вместе с ней и, в конце концов, начинает угасать, по мере того как нация утрачивает свою самобытность» [5, pp. 7, 9]. Следует содействовать развитию права «посредством скрытых внутренних сил, а не указами законодателей». Говоря это, Фридрих фон Савиньи отрицал потребность в профессиональных законодателях — как в современную ему эпоху, так и, коли на то пошло, в любую другую.

Такая вера в скрытые внутренние силы выглядела безобидной, но в действительности, как показали недавние события, оказалась чрезвычайно опасной. Она явилась той почвой, из которой выросли релятивизм и фатализм, которые были призваны разрушать политико-правовую позицию многих поколений германских юристов вплоть до настоящего времени.

Релятивизм и фатализм

Постепенно правовой историцизм утратил свое влияние. С его помощью можно было только проводить обзор исторических изменений сущности права, и безо всяких трудностей он в конечном счете привел к заключению, что идея права следовала за сущностью права. Таким образом, идея права также стала носить относительный характер и в связи с этим утратила свой прежний статус. Характер «скрытых внутренних сил», которые, по мнению Фридриха фон Савиньи, могли формировать правовую сферу, в ходе девятнадцатого века изменился коренным образом. Крупные группы, обладающие экономической властью, возникали в огромных масштабах, и эти властные группы формировали право абсолютно односторонним образом. Примером может служить то, каким образом такие властные группы устанавливали условия доставки и платежей, которые сводили на нет важные разделы действующего обязательственного права в крупных отраслях экономики. Не считая нескольких исключительных случаев, наука о праве и концепция правовой юрисдикции стали жертвами такого крайне пагубного развития. Это самодельное право, управлявшее экономическими отношениями, казалось бы (неизбежно), должно было явиться результатом исторического развития; и прежде, и сейчас оно практикуется опытными и квалифицированными специалистами по правовым аспектам бизнеса. Как могла правовая система, которая возвела историческое развитие в абсолют, более того, которая уже не признавала никаких основных стандартов — как могла такая система не распознать в этих недостатках именно то, чем они являлись? Столкнувшись с подобным релятивизмом, вся подлинная критика ученых с позиций права неизбежно превращалась в пустой звук.

Другой угрозой, жертвой которой пала историческая школа, а также школа социологии права, стал фатализм. В этой битве против защитников естественного права Фридрих фон Савиньи неоднократно утверждал, что

позиция и воля юриста ограничиваются взглядами и жизненными условиями его народа и его эпохи. История показывает, что в этом отношении он был частично, хотя все же лишь частично, прав. В те времена, когда юриспруденция переживала упадок, как, например, в Римской империи в период после правления Диоклетиана, юристам фактически не удавалось реализовывать какую-либо созидательную силу. Однако в те периоды, когда она была сильна, как в первые два столетия нашей эры, именно римские юристы формировали правовые теории и институты современной им эпохи, а также правосознание людей, оказывая посредством этого значительное влияние на их жизненные условия.

Правовому фатализму Фридриха фон Савиньи, тем не менее, продолжали следовать в соответствии с духом того времени. В частности, экономические условия представляли перед юристами той эпохи как неотвратимые факты, к которым сам закон вынужден был приспособляться. Преобладала точка зрения, согласно которой «действующее частное право в любой данный момент времени, как и система частных взаимосвязей между гражданами, отражает во все времена дух господствующей социально-экономической ситуации» [2, р. 596]. Политико-правовая функция науки может лишь прояснить в каждом конкретном случае новую социально-экономическую ситуацию и составить рекомендации относительно того, как самому праву следует приспособляться к этой ситуации. Столкнувшись с такой фаталистической позицией, юрист может только адаптироваться к экономическим условиям. Он не ощущает в себе той силы, которая сама способна формировать их. Императорским судом, например, допускалось образование картелей как непреложный факт со времени вынесения показательного и судьбоносного решения от 4 февраля 1897 года. Не было даже предпринято никаких попыток разработки закона, контролирующего картелизацию посредством принципов, воплощенных в Коммерческом кодексе. В качестве альтернативы нужно было задуматься о праве, регулирующем деятельность компаний, которое фактически разрешило экономически влиятельным группам игнорировать жесткое конституционное право. Это пренебрежение в отношении законодательства о компаниях, неприятные последствия которого впоследствии пришлось испытать германскому народу, было единственным возможным исходом, поскольку согласно науке о праве и принципам ее юрисдикции считалось само собой разумеющимся, что реальное экономическое развитие должно приниматься как данность.

«Во все времена капитализм отыскивал пути и способы процветания, *de lege, praeter lagan et contra legem*»³. Этими словами Вернер Зомбарт выразил, как он часто это делал, преобладающий настрой той эпохи. Он рассуждал как политэконом. Историческое мышление в Германии также проникло в политическую экономию и породило фаталистически-релятивистские взгляды у многих поколений ученых. Говоря более конкретно, в рамках исторической политической экономики существовала, да и сейчас существует, одна группа, на которую в большей степени повлиял фатализм, и другая

³ В рамках закона, несмотря на закон и вне закона. — Прим. пер.

группа, характеризующаяся как более релятивистская. Эти две группы, однако, частично совпадали друг с другом во многих отношениях.

Карл Маркс и фатализм

Вышеупомянутая группа черпала свое величайшее вдохновение у Карла Маркса, несмотря на то что он уж точно не входил в число ее основателей. Карл Маркс верил в закон развития современного общества, и в его представлении историцизм и натурализм смешались. В предисловии к «Капиталу» он утверждает: «Пусть даже общество уже открыло естественный закон, управляющий его собственным развитием, конечная цель этой работы — обнаружить экономический закон развития современного общества — оно не может ни перескочить, ни оставить в стороне естественные фазы своего развития. Оно может, однако, сократить и облегчить родовые муки» [3, pp. 7–8].

Цель заключалась в определении тенденций развития, неизбежных для капитализма, для того чтобы способствовать их успеху и посредством этого ускорить гибель капитализма — ни науке, ни политике не под силу достичь большего. Не один Карл Маркс продвигал такие фаталистические верования в развитие или упадок с целью добиться полной победы. Даже сегодня многие считают такую веру самой естественной основой своего мышления, вплоть до и включая «Tat-Kreis»⁴, который до 1933 оказывал такое сильное влияние на молодые поколения. Единственно признаваемая задача — раннее обнаружение признаков новых тенденций, цель которых — совершить прорыв, последующее ожидание будущего и подготовка почвы для этого будущего, пусть даже оно выглядит неутешительно. Такое фаталистическое представление об истории формирует позицию настороженного согласия, которая, тем не менее, зачастую включает смелые действия. Предвосхищение избранного судьбой пути, например, Освальд Шпенглер рассматривал как великую конечную цель западной культуры. Фатализм и скептицизм всегда очень близки. Такая фундаментальная позиция заставляет казаться бессмысленным или глупым, противопоставлять себя безжалостному ходу событий или отстаивать какую-либо идею.

Мы являемся историками в достаточной мере для того, чтобы разглядеть в фатализме историцизма именно то, чем он действительно является: признак слабости в рядах убежденной интеллигенции. Будучи не очень уверены в своем интеллекте, они не могут больше мобилизовать силы и взять на себя задачу влиять на ход событий; таким образом, они заняли позицию наблюдателя. В своих попытках оправдать такую роль они постоянно апеллируют к историческим описаниям и доктринам, которые совершенно нереалистичны. Прежде всего им не удается оценить огромное разнообразие сил, формирующих историю. Поэтому не удивительно, что прогнозы, на которых фаталисты концентрируют все свои мысли и желания, почти всегда оказываются неверными. Абсолютно недопустимые упрощения схемы развития истории уже были сделаны Карлом Марксом, которому удалось лишь прийти к фаталистической доктрине развития, рассматривая техни-

⁴ Группа интеллектуалов, выпускавших ежемесячное периодическое издание "Die Tat". Они были радикальными нацистами. Более подробно см. [4, pp. 65–66].

ко-экономическое развитие как единственную детерминанту всего исторического прогресса. Итог всей социальной, политической и интеллектуальной жизни, таким образом, выступает в виде «надстройки». Соответственно влияние Карла Маркса также распространилось далеко за пределы круга его ближайших учеников. Так, Вернер Зомбарт писал:

«. . . сейчас мы должны осознать, что политические события в целом не определяют курс экономического развития, а развитие капитализма, в частности, почти совершенно независимо от великих политических революций последних столетий» [7, р. 4].

Конечно, это утверждение неверно с исторической точки зрения. Оно выявляет поразительное безразличие к влиянию политических недостатков. Например, во времена Наполеона I, барона фон Штейна⁵ и графа фон Бисмарка, вплоть до Первой мировой войны и мирных договоров, которые завершились структурными изменениями в правительстве, политические события за рубежом и внутри страны решающим образом повлияли на курс экономического развития. Видение истории, носящее недоктринальный, действительно универсальный характер, однако, является ключевым для того, чтобы корректно оценивать взаимосвязь политических и экономических событий и уметь разглядеть, что они принимают различные формы в разных странах и в разные эпохи, в зависимости от степени влияния сил, которые действовали и продолжают действовать поныне и в сфере правительственной, и экономической. Историзм, склонный к произвольным упрощениям, не способен постичь такие вещи. Несомненно, присущий ему фатализм не может быть оправдан на основе исторического опыта. К несчастью, это подрывает способность науки служить жизненной силой. Как может интеллект влиять на ход событий, если он рассматривает их как неизбежные?

Влияние Густава фон Шмоллера

Что касается политической экономии, историцизм в Германии, как уже отмечалось, также стимулировал развитие другого, более сильного направления, которое ранее было кратко охарактеризовано как релятивистское. Во главе его приверженцев был Густав фон Шмоллер. И напрямую, и посредством своих учеников он оказывал продолжительное влияние на экономическую мысль основных значимых слоев германского народа вплоть до сегодняшнего дня. Профессиональные интересы Густава фон Шмоллера лежали в сфере политической экономии и социальной политики. Он стремился превратить политическую экономию в нравственную науку. Он выступал, *inter alia*⁶, по поводу проблем трудовой сферы, реформы промышленного законодательства, жилищного вопроса и протекционистских тарифов. Он не верил в неотвратимость хода истории и в то, что никакое вмешательство не может быть успешным. Часто он был расположен к тому, чтобы призывать к государственному вмешательству. Тем не менее он уж

⁵ Барон фон Штейн (1757–1831) был министром Пруссии, проводившим комплексные реформы в Пруссии после ее завоевания Наполеоном I в 1807 году.

⁶ Про между прочим. — Прим. пер.

точно не соответствовал требованиям эпохи. Густав фон Шмоллер должен взять на себя значительную долю вины за то, что в Германии политическая экономия утратила свою прежнюю власть как действительно созидательное влияние. Теперь самое время спросить, как же это произошло.

Во-первых, когда в 1872 году в Эйзенахе Густав фон Шмоллер и его друзья разработали свои программы социальной политики в ответ на увеличивающуюся серьезность проблем в трудовой сфере, это по-прежнему было главным результатом фундаментального конфликта с преимущественными условиями, гарантировавшими им власть и влияние. Предмет дискуссии составила вся социальная система. Энтузиазм к постановке принципиальных вопросов, однако, вскоре пропал. К примеру, достаточно только прочесть речь Густава фон Шмоллера о реформировании промышленного кодекса в 1877, в которой он детально полемизирует по поводу свободной конкуренции. Его главный интерес состоял в том, чтобы избежать всякого решения, основанного на принципе; каждый вопрос должен был решаться на основе ее достоинств. В то время фундаментальное мышление казалось ему доктринерским, и эта ошибка повлекла за собой серьезный ущерб. Огромные различия в историческом развитии и исторических фактах произвели на него такое впечатление, что он как реалист стал верить в то, что ему следует избегать заключений общего характера. В каком бы то ни было смысле, в этом отношении он не был одинок, ни в современной ему эпохе, ни в наши дни. Почти повсюду общее направление мысли постепенно было вытеснено вопросами и размышлениями о конкретных специфических вопросах. В связи с этим Густав фон Шмоллер и его ученики были убеждены в том, что они заняли реалистическую позицию и подготовили почву для проведения реалистичной политики.

На самом деле они уничтожали тот базис, основываясь на котором специалисты-политэкономы могли в реалистичном ключе высказывать суждения по поводу главных вопросов реальной экономической политики. Даже распознавание сложных проблем стало слишком недостаточным. Характерной, например, является позиция, которую занял Густав фон Шмоллер и его школа по отношению к образованию монополий, которые нарастающими темпами начали возникать в германской экономической системе в последние десятилетия девятнадцатого века. Фундаментальный и в то же самое время практический вопрос относительно того, разрушается ли целостная экономическая система в результате формирования монополий, затрагивался лишь вкратце, но всерьез не обсуждался. Будь это сделано, они бы осознали, что означает распространение частных властных групп в экономике. Могли быть предложены реальные политико-экономические меры, сама дискуссия могла бы перейти на новый уровень, и значительную часть серьезного ущерба, который обнаружился впоследствии, можно было бы предвидеть. Тогда бы наука выполнила этот долг. Историческая школа, однако, смирилась, следуя своему подлинно релятивистскому приспособленчеству, с очевидным фактом существования монополий; решающий вопрос был отклонен, а проблемы рассматривались на поверхностном уровне. Неслучайно поэтому, что последние 50 лет в Германии были отмечены развитием монопольных организаций при недостатке плодотворных

научных исследований этой тенденции.

Именно попытка постановки вопросов четко отличает науку от повседневного мышления. Забывая, как следует задаваться фундаментальными вопросами, историческая школа, в сущности, утратила способность выходить за пределы повседневного опыта.

Во-вторых, в своих попытках постичь историческую реальность, в то же время ни на минуту не забывая о непрерывных изменениях, Густав фон Шмоллер не знал, как использовать аппарат абстрактного мышления, свойственный политической экономии. Он не видел, что до тех пор, пока этот аппарат используется, невозможно прийти к какому-либо истинному пониманию взаимозависимостей, присущих экономической системе. Ему принадлежат несколько общепризнанных, часто цитируемых высказываний, свидетельствующих о его отношении к теоретическим исследованиям, но важность имеют даже не подобные высказывания, а именно исследование само по себе. Пагубным оказалось то, что под его руководством германские политэкономы забыли о том, как применять теорию, как улучшать ее и как осуществлять экономический анализ. По этой причине они также забыли, как следует понимать функционирование сложной экономической системы. Короче говоря, они потеряли связь с реальностью и допустили именно ту ошибку, которую они наиболее резко отрицали, ибо действительность — это не совокупность разрозненных фактов. Так появился тип германского экономиста, который преобладает до сих пор. Он стремится найти экономическую реальность, но не знает, как это сделать. Он уважает теоретические исследования, но не знает, что с ними следует делать. Он хочет оказывать помощь в формировании экономики, но не способен на это, потому что не понимает экономических взаимосвязей. Такое представление о политической экономии было обречено на провал, как только пришлось столкнуться с такими великими проблемами экономической жизни, как, например, инфляция в Германии или проблема перераспределения.

Политическая экономия в интерпретации Густава фон Шмоллера не смогла разглядеть, что, в общем-то, релятивизм выбивал сам у себя почву из-под ног. Сознательно или бессознательно этому способствовала широко распространенная вера в общий прогресс. Неслучайно, что Густав фон Шмоллер завершил свою величайшую работу «Очерк общего учения о народном хозяйстве» [6, р. 774] торжественным заявлением о твердой вере в общий прогресс. «Человек совершил огромный материальный, интеллектуальный и моральный прогресс», утверждал он, показывая, насколько он, как дитя своего времени, недооценивает демонические страсти и эгоистические инстинкты человечества, которые должна принимать в расчет любая экономическая политика. Периоды упадка, как он был убежден, в будущем также просто бы носили преходящий характер. Он не осознавал опасностей хаоса. Конечный анализ был направлен на то, чтобы объяснить приспособленчество любого рода этой основополагающей верой в прогресс, согласно которой реальное развитие экономической системы и экономического процесса в итоге неминуемо приведет к чему-то лучшему.

Таким образом, в Германии в обеих науках, юриспруденции и полити-

ческой экономии, по сей день разыгрывается сходная драма. По мере того как историцизм достигает все большего успеха, они постепенно сдают позиции. Идея закона и идея истины превращаются в относительные концепции, с готовностью приспособляясь к изменяющимся фактам и мнениям. Таким образом, каждая из них прекращает быть интеллектуальной и духовной силой. Они удаляются на периферию, и, таким образом, группы, обладающие экономической властью, приобретают возможность преследовать свои интересы со все возрастающим успехом. Научные взгляды имеют обыкновение постепенно проникать, посредством университетов, в более широкие круги судей, чиновников и тех, кто теперь начинал попадать под влияние этой приспособленческой, нефундаментальной позиции ученых. Обе науки поддерживали статус уверенности в своих силах и эффективности лишь постольку, поскольку они оказывали сопротивление историцизму. Тем более резонно сделать на этом акцент, что критика, которой подверглись обе науки в Германии за последнее время, частично имеет своим источником истористский образ мышления и в силу этого ничтожна.

Наша программа

Можно определенно сказать, что стоящая перед нами задача требует критического анализа. Следует только обратить нашу критику в позитивную силу, для того чтобы четко обозначить направление работы, если мы хотим вернуть правовую и экономическую науку на их надлежащие места.

Во-первых, оспариваем убеждение, что рациональное мышление и творческая деятельность являются диаметрально противоположными категориями, что мысль препятствует энергии, а следовательно, и успеху деятельности. Популярность этой идеи постоянно возрастала с тех пор, как Фридрих Ницше разработал свое учение о сверхчеловеке и его первобытных созидательных инстинктах. Фридрих Ницше желает человеку, действующему героически, пребывать «в вечном невежестве и беспринципности». Закрывая глаза на рациональное обдумывание решений, он должен отдаться демону своей страсти.

Такое противопоставление в корне ошибочно. Оно не имеет исторических оснований. Оно неизбежно приведет к пагубным последствиям. Фридрих Великий отверг бы как совершенно абсурдную идею о том, что государственный чиновник или военачальник может иметь ясное представление о происходящем. На самом деле, он беспокоился всякий раз, когда не мог достаточно легко ухватить суть происходящего и различить причинные связи. Все великие личности политической и военной мировой истории в этом похожи. Они стали великими именно потому, что их иррациональная сила воли и мощь ума сообща разрешали трудности, казавшиеся непреодолимыми. Только внутренне слабый человек видит в разуме угрозу, становится неуверенным и теряет из-за этого внутреннюю целостность и из страха перед трезвым миром данных аргументов и фактов безрассудно бросается в опьяняющую иррациональность, в лихорадочный экстаз. Сильный человек, однако, ощущает подъем сил всякий раз, когда он способен применить свой разум к тому, чтобы пролить свет на невежество действующего субъекта и

осуществить свои полномочия. Используя в качестве отправной точки это убеждение, основанное на историческом опыте, мы хотим предоставить научное обоснование, как отражено в юриспруденции и политической экономике, с целью построения и преобразования экономической системы.

Во-вторых, мы категорически против историцизма, который, как уже подробно описывалось, со своей релятивистской и неопределенной позицией не удовлетворяет нашему фундаментальному принципу. Он заключается в рассмотрении отдельных экономических проблем как составляющих огромного целого. Поскольку все отрасли экономики тесно взаимосвязаны, этот фундаментальный подход — единственный, который соответствует предмету исследования. Трактовка всех практических вопросов политико-правового и политэкономического характера должна соответствовать идее экономической конституции. Именно так преодолеваются присущие релятивизму нестабильность и фаталистское толкование фактов.

В-третьих, радикальное неприятие историцизма, которое не подлежит обсуждению, в любом виде и в любой форме, не означает, что мы игнорируем исторические факты. Именно подходя к истории с фундаментальными вопросами, мы сможем лучше ее понять, глубже проникнуть в нее и узнать больше того, что доступно историцизму. Нашей отправной точкой должен стать исторический опыт последних десятилетий и столетий. «История не будет иметь ничего общего с теми господами, которые не имеют ничего общего с историей».

Мы должны продвигаться вперед сквозь туман непостижимых идеологических концепций к тем составным фактам и условиям, относящимся к исследуемому предмету. Идеология экономических проповедников и догмы, которые попирают факты, нагромождения находчивых идей, которые бросают вызов рациональному контролю, являются столь же бесполезными, как и идеология заинтересованных сторон, которые они нечасто затрагивают. Все концептуальные умозрительные построения, которые сегодня играют более чем когда-либо важную роль в области права и политической экономики, несут с собой пагубные последствия, завлекая нас в область доктринерства и нереалистичности. Нужно изучать факты и неправовые или экономические концепции. Проблемы, которые необходимо решить, носят практический характер. Страх перед действительностью, который осмеивал граф фон Бисмарк, нужно преодолевать гораздо в большей степени в нашей области, нежели в какой-то другой. Проблемы экономической системы могут быть осмыслены и решены, если реализм совместить с фундаментальным мышлением, что хоть и трудно, однако осуществимо.

В-четвертых, под экономической конституцией должно пониматься общее политическое решение относительно того, как следует организовывать экономическую сферу страны. Приверженность исключительно этой идее дает инструменты формирования действительно надежных основополагающих правил для истолкования многих аспектов общественного или частного права. Это касается не только основных законов, но и в значительной степени специальных законов, связанных с экономическими проблемами. До настоящего времени, например, Закон о банкротстве в основном трактовался с позиций процессуального права. Однако такая точка зрения, несомненно, является односторонней и, разумеется, не отражает дух закона в

полной мере. Наоборот, Закон о банкротстве совершенно необходимо рассматривать как часть, действительно очень важную часть, экономической конституции, определяющую, когда и как устраняются предприятия из преимущественно бартерной экономики. Лишь при осознании конструктивных принципов этой экономики становится возможным осмыслить Закон о банкротстве, условия и исполнение которого в свою очередь крайне важны для функционирования всей экономической конституции и регулирования производственной деятельности. То же самое необходимо сделать, *mutatis mutandis*⁷, в области обязательственного права; совокупности правовых норм, относящихся к недвижимости; семейного права; трудового права; административного права и во всех остальных разделах права. Точно так же в развитии дальнейшего законодательства должна быть ясно осознана основополагающая идея экономической конституции.

Проблема осмысления правовых инструментов и приведения их в соответствие с экономической конституцией, однако, может быть решена, только если юрист воспользуется результатами экономических исследований. Если, например, практикующему юристу или ученому-правоведу приходится иметь дело с проблемой нечестной конкуренции, то, конечно, для него будет недостаточно изучить моральные представления о коммерческом деле и, исходя из «ощущения правоты всех честных и добропорядочных людей», признать одну сторону правой по закону, а другую — вне закона. Напротив, в данном случае категорически необходимо тщательно продумать проблему в соответствии с положениями экономической конституции, поскольку свободная конкуренция является ключевым конструктивным принципом сегодняшней экономики Германии. Нельзя допустить, чтобы под ложным предлогом якобы недобросовестных приемов свободная конкуренция оказалась подавлена. С другой стороны, нельзя также допустить, чтобы она действительно переросла в недобросовестную конкуренцию. Где проходит грань между недобросовестной и допустимой конкуренцией, является ли конкуренция свободной или нет, ограничена ли она, эффективна или препятствует развитию, противоречит ли снижение цен, принципам системы — все эти вопросы можно решить только посредством исследования экономистами различных состояний рынка. Сотрудничество двух наук, которое в этом отношении по-прежнему оставляет желать много лучшего, является совершенно необходимым.

Протесты в отношении специализации отдельных наук нивелированы в науках прошлого. Всюду действуют мощные силы, которые преодолевают эту проблему специализации. В самом деле, именно работа над самими проблемами и небесполезные методологические разработки вновь связывают отдельные науки уже на новом уровне. Сегодня физика, химия, минералогия, физиология и другие естественные науки более не стоят особняком. Напротив, физиологи теперь вынуждены использовать методы и результаты химической науки, а минералоги и химики — физической. В широкой области гуманитарных наук также повсеместно происходит процесс взаимодействия частей отдельных наук. Разделение гуманитарных наук

⁷ Внеся необходимые изменения. — Прим. пер.

на политические, экономические, интеллектуальные, духовные и историю искусства показало свою несостоятельность. Чем глубже историк «копает» историческими методами, тем в большей степени он вынужден усвоить универсальный подход к истории. Правовая и экономическая науки также вовлечены в различных аспектах в такой процесс взаимодействия. Проблемы, которые рассматриваются в работах нашего цикла, требуют применения методов рассуждения и исследования обеих наук, но не так, чтобы мы допустили «слияния их границ», выражаясь словами Эммануила Канта. Эммануил Кант был совершенно прав, полагая, что это породит «не развитие, а искажение Наук». Каждая из них должна сохранить свое лицо, если требуется чего-то достичь. Но всякий раз, когда предмет исследования требует использования обеих наук, следует это осуществить. Мы надеемся, что, поступая так, мы следуем голосу истинной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Forstmann A.* Der Kampf um den Internationalen Handel. Berlin: Haude & Spenersche Buchhandlung, 1935.
2. *Geiler K.* Die wirtschaftsrechtliche Methode im Gesellschaftsrecht // in Karl Predari, Franz Schlegelberger and Martin Wolff (eds.). Beitrage zur Erlauterung des Deufschcn Rechts. New series 5. Berlin: Franz Vahlen, 1927.
3. *Marx K.* *Das Kapital*. Vol. 1. Preface to the first edition of 1867. Reprinted Berlin: Dietz Verlag, 1951.
4. *Ropke W.* The German Question. London: Allen & Unwin, 1946.
5. *Savigny F.C.*, von. Vom Beruf unserer Zeit fur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. 1st edn, 1814. Reprint of the third edition of 1840. Freiburg im Breisgau: J. C. B. Mohr [Paul Siebeck], 1892.
6. *Schmoller G.* Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Part II. 2nd edn. Munich and Leipzig: Duncker & Humblot, 1923.
7. *Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. Vol. 2. 2nd edn. Munich and Leipzig: Duncker & Humblot, 1917.